

СИБИРИАДА

ИСАЙ
КАЛАШНИКОВ

РАЗРЫВ-ТРАВА

СИБИРИАДА

ИСАЙ КАЛАШНИКОВ

Разрыв-трава

Москва
«Вече»

УДК 821-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6
К17

Калашников, И.К.

К17 Разрыв-трава : роман / Исая Калашников. — М. : Вече, 2012. — 512 с. — (Сибириада).

ISBN 978-5-9533-6508-6

Исая Калистратович Калашников (1931–1980) — один из талантливейших писателей Сибири. Его роман-дилогия «Жестокий век» о воителе Чингисхане переиздавался десятки раз, переведен на несколько языков. Но до него был написан роман «Разрыв-трава» (1970), принесший писателю известность, Государственную премию Бурятской АССР и звание «Народный писатель Бурятии».

В романе описана жизнь переселенцев-старообрядцев, семейских, в первой половине XX века. Старообрядцы были насильственно выдворены в 1735 году из Белоруссии по именному указу императрицы Анны Иоанновны и определены на вечное поселение в Бурятии и Забайкальском крае. Семейскими их прозвали местные жители. С приходом советской власти жизнь старообрядческих общин сильно осложнилась, так что конфликт в результате перерос в открытое вооруженное противостояние, жестоко подавленное большевиками.

УДК 821-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-9533-6508-6

© Калашников И.К., наследники, 2012
© ООО «Издательский дом «Вече», 2012
© ООО «Издательство «Вече», 2012

ПРОЛОГ

Скоро будет неделя, как слег Назар Иваныч. Знал: невозвратно ушла силушка, смерть стоит в изголовье и тихо ждет своего часа.

Лежал он на старой деревянной кровати, на той самой, где родился. На ней и отец помер, и дед...

В избе было холодно. Стекла обросли рыхлым льдом и почти не пропускали света, густой сумрак скрывал и передний угол, и куть. Холод вползал под овчинное одеяло, студил ослабевшее тело. Скрюченными пальцами Назар Иваныч держал одеяло у бороды, свитой в помело, и шарил взглядом в темноте переднего угла, там, где едва угадывалась божница, шевелил сухими губами: «Мать пресвятая богородица, заступись перед всевышним за меня, грешного». А рядом со словами молитвы текли мысли суетные, земные и неизбывной тоской томили душу. Видел всю свою жизнь, и до того она маленькой, коротенькой оказалась, что всю ее охватывал одним взглядом — от смерти отца до этого часа.

Он рано помер, батька-то. Хворый был, надорвался в молодости, да так и зачах, будто колос, прихваченный ранними заморозками. Перед кончиной говорил малолетнему Назарке: «Прости, сынок, не сподобил господь оделить тебя но-людски». От деда батьке досталось справное хозяйство — не удержал в немощных руках, растерял по крохе. Оставил после себя эту избу — старую, срубленную еще в то время, когда мужики пилы не знали, коровенку с телком оставил, кобылу охромевшую.

Другого бы с таким хозяйством нужда в бараний рог свернула, а он, Назар, ничего, сумел оклематься, стать на ноги крепко. Помог господь. Баба попалась добрая — ловкая, сильная, на работу зарная. В супряге с ней тащил, бывало, и то, что двум мужикам не под силу. Жизнь стала налаживаться. Дом новый, пятистенный срубил, лошадей завел хороших, сбрую справил. Сыновья начали подрастать и один по одно-